

АНАТОМИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИМИТАЦИИ

Критика идеи «Образовательного центра для подготовки одаренной молодежи профессиям будущего»

Александр Лукашенко выразил обоснованный скепсис относительно целесообразности создания новой структуры

ВСТУПЛЕНИЕ

В экономике знаний, где ценность создаётся и капитализируется непрерывно, большинство современных систем высшего образования остаются привязанными к дискретному циклу с жёстким «финишем»: фиксированный срок обучения → стандартизированный артефакт на выходе (диплом, проект, квалификационная работа) → формальное завершение траектории. После этого связь между человеком, вузом и экономикой обрывается. На этом фоне всё чаще предлагаются специальные инновационные образовательные центры для «талантливой» молодёжи – ускоренные программы, элитные треки или отдельные институты с фокусом на «профессии будущего», проектно-ориентированное обучение и «готовый товар» вместо традиционного диплома. Такие инициативы подаются как прорыв: сократить цикл («4 года за 2»), собрать лучших, дать им интенсив и привязать к реальным задачам экономики. С этической позиции такая модель усиливает стратификацию общества, превращая объективное распределение талантов в искусственную кастовую иерархию и оставляя основную массу молодёжи в ослабленной среде. С экономической позиции – это интенсификация дискретной логики: ускорение и концентрация элиты лишь увеличивают плотность «мёртвых» остановок, фиксируя проекты на стадии 20% потенциальной ценности (по принципу Парето) и разрывая жизненный цикл актива. Вместо роста общей отдачи от инвестиций в человеческий капитал мы получаем параллельный анклав для избранных и ещё более глубокий разрыв в системе образования в целом.

Пока «финиш» воспринимается как конечная точка ценности, а элитизм – как способ изъятия лучших вместо восстановления всей цепочки образовательного цикла, любые инициативы – даже самые масштабные и элитные останутся косметическими улучшениями внутри дискретной модели, не меняя её фундаментальной убыточности.

Высшее образование: дискретность как смерть смысла

Система высшего образования Беларуси, включая предлагаемый «Образовательный центр для подготовки одаренной молодежи по профессиям будущего» (далее – Центр), построена на фундаментальной архитектурной ошибке: обучение воспринимается как дискретный, завершаемый процесс с чётко обозначенным входом, сроком, продуктом и выходом. Есть поступление → фиксированный срок (4 года или 2 года ускоренной базы в Центре) → сдача проекта/диплома → выпуск → конец траектории. После этого связь с человеком обрывается: вуз выполнил план, государство отчиталось, студент получил бумагу.

Это не образование в смысле непрерывного роста человеческого капитала, а бюрократическая процедура, в которой всё подчинено дедлайну и стандартизированному артефакту. Инновация, исследование, эксперимент, ошибка, итерация – всё это должно уместиться в жёсткие временные рамки и завершиться «готовым товаром». Но инновация по своей природе непрерывна, нелинейна и не имеет «финиша». Поэтому дискретная модель убивает любую искреннюю попытку создать что-то живое – даже если она маскируется под «проектно-ориентированное обучение» или «индивидуальную траекторию».

Дискретная модель не просто теоретическая ошибка – она проявляется в реальных цифрах и человеческих историях. По данным Белстата и Минобразования и интернет-источников:

1) В 2024 году высшее образование получили 46,4 тыс. человек (I ступень), но общее количество студентов в вузах сократилось почти вдвое с 2010 года – до 224,2 тыс. в 2024 году.

2) Распределение выпускников-бюджетников формально близко к 100%: в 2024 году подтверждено прибытие к месту работы 94,4% (рост на 1,9 п.п. к 2023-му), направлено около 17,8-18 тыс. молодых специалистов. Но за этими цифрами – системный разрыв с рынком труда. Опросы и отзывы показывают:

- около трети белорусов (по опросу 2023 года, актуальному и в 2025-м) не работают по специальности: лишь 20% работают строго по профилю, 16% – по смежной, остальные уходят в другие сферы (часто IT, торговля, фриланс или за рубеж);

- более 60% сменивших профессию пытались работать по специальности, но ушли из-за низких зарплат, отсутствия перспектив или несоответствия подготовки реальным задачам.

Студент – охотник за артефактом

В дискретной системе студент воспринимает ВУЗ как полосу препятствий: нужно пройти этапы, сдать контрольные точки, получить заветный документ. Цель – не компетенция, не продукт, не способность создавать ценность, а свидетельство завершения. Он не владеет своим проектом – он его «сдаёт». Как только комиссия поставила оценку, проект умирает: архивируется, забывается, теряет всякий смысл. В эпоху ИИ эта смерть наступает мгновенно: студент генерирует текст, код, чертёж, получает «отлично» – и уходит. Обучения не произошло. Произошла имитация прохождения процедуры.

Преподаватель – наёмник-почасовик

Преподаватель в этой конструкции – дешёвый исполнитель учебной нагрузки. Его задача – вычитать часы, провести зачёт занятости, избежать жалоб и выговора. Его доход, карьера, статус не зависят от того, станет ли студент через 5 лет предпринимателем, учёным, специалистом мирового уровня или останется без работы. Он не может быть наставником, соавтором, партнёром в создании ценности, потому что сам является когнитивным пролетарием, продающим время, а не знания и не вклад в будущее. Даже в «элитном» Центре, где требуют «готовый товар», преподаватель остаётся временщиком: его контракт

заканчивается вместе с курсом, а ответственность за результат – нет (иной сценарий не был озвучен).

ВУЗ (или Центр) – бюрократический броке

ВУЗ не создаёт стоимость – он администрирует потоки: бюджет → контингент → дипломы → статистика. Главные КРІ – сохранность контингента, процент выпуска, выполнение плана набора и распределения. Отчислить студента – значит потерять финансирование и испортить показатели. Поэтому система закрывает глаза на плагиат, ИИ-генерацию, пустые проекты, формальные отчёты. Главное – чтобы «процесс» завершился успешно. Новый Центр – это не смена парадигмы, а попытка создать элитный цех на той же фабрике по производству бумаг, только с более жёстким дедлайном («4 года за 2») и более громкой риторикой («интеллектуальный спецназ»).

ИИ как палач дискретной дискретной модели

Искусственный интеллект (ИИ) не угрожает высшему образованию – он разоблачает его иллюзию. В мире, где любой учебный артефакт (курсовая, диплом, код, чертёж, бизнес-план, научная статья) может быть сгенерирован за часы, статичный результат на выходе теряет всякую доказательную силу. ИИ не разрушает образование – он разрушает ложную идею, что «сдача проекта к сроку» = «обладание квалификацией». Он показывает: если результат можно подделать или сгенерировать без глубокого понимания, то вся дискретная конструкция построена на песке. Остаётся единственная реальная функция диплома – подтверждение, что человек прошёл формальную процедуру. Больше ничего: ни знаний, ни навыков, ни способности создавать ценность, ни ответственности за результат. Только штамп о завершении.

Дискретность как экономическая остановка: модель Парето

Дискретная модель – это структурный механизм преждевременной остановки. По принципу Парето (80/20), около 80% реальной экономической ценности проекта возникает после первоначальной разработки: в итерациях, адаптации к рынку, получении обратной связи, масштабировании и коммерциализации. Первые 20% (идея, прототип, базовая компетенция) – это всего лишь фундамент, который стоит 1-2 года обучения или даже 6 месяцев интенсива. Дискретная система объявляет «завершённым» именно этот момент, когда создано лишь 20% потенциальной ценности. Она фиксирует проект как статичный артефакт, подлежащий оценке и архивированию, и разрывает жизненный цикл. Экономические последствия – структурная убыточность.

После 1990-х дискретность не была преодолена – она мутировала. Государственный заказ сменился платёжеспособным спросом, распределение – свободным наймом, бесплатное обучение – контрактами. Но суть осталась: ВУЗ производит «готовый продукт» (дипломированного специалиста) и считает миссию выполненной в момент выпуска. Возникла коммерческая дискретность: раньше диплом подтверждал прохождение государственного маршрута – теперь он подтверждает оплату «образовательной услуги».

В обоих случаях диплом не подтверждает способность создавать ценность – он подтверждает лишь факт завершения формального процесса. Современные

ВУЗы превратились в поставщиков услуг, студенты – в потребителей (часто берущих кредиты ради корочки), наниматели – в посторонних наблюдателей. Переход от советской к коммерческой дискретности не улучшил систему, а только усугубил. Главный дефект неизменен: высшее образование – точечное событие с финишной чертой, а не непрерывный процесс становления субъекта экономики.

Индустрия – как зеркало дискретной системы

В промышленности – один из самых острых дефицитов кадров: на 2025 год две трети белорусских предприятий жалуются на нехватку рабочих рук. Вакансий в промышленности и строительстве – до 18-20% от общего числа, 82% нанимателей ощущают дефицит специалистов, особенно в массовых профессиях (производство, строительство, розница). К концу 2025 конкуренция выросла (резюме +72% за год), но в производстве остаётся нехватка. Зарплаты в сельском хозяйстве растут медленнее инфляции и ниже среднего по экономике. Распределённые выпускники (17-18 тыс. в 2025) часто не закрепляются: низкие зарплаты, отсутствие перспектив, несоответствие подготовки реальным задачам. Многие уходят в частный сектор или за рубеж после 2 лет отработки. Это зеркало вузовской дискретности: система выдаёт «готовых» специалистов без рыночной ценности, а производство их не может интегрировать как активы. Вместо партнёрства – принудительное опекуновство, где новичок – риск, а не актив. ИИ как палач дискретной модели образования усугубляет проблему: если ВУЗ выдаёт артефакты, которые можно сгенерировать за часы, то производство получает «специалистов», чьи знания легко имитировать. Но реальное производство требует не бумажных проектов, а практических навыков, адаптации и непрерывного улучшения процессов – всего того, чего дискретная модель не даёт.

Белорусская индустрия – это кульминация дискретного тупика: наемный менеджмент (временщики) управляют временщиками, планы и директивы заменяют инновации, лояльность важнее компетентности, а человек – расход, а не растущий актив. Пока цепочка остаётся разорванной, а производство – принудительным опекуном, любой «инновационный центр» лишь усилит дисбаланс: элиту отправят в тот же контекст, где её изолируют от реальных процессов, а систему в целом ослабят.

Цена дискретности

Утверждение о системной неэффективности – это не метафора. Моделирование методом Монте-Карло (стохастическая симуляция 10 000 траекторий), выполненное на основе макроэкономических показателей и статистики рынка труда за 2023-2025 гг., показывает: сохранение дискретной модели («школа – вуз – завод») генерирует системный убыток в размере $\approx 200\,000$ рублей (чистая приведенная стоимость) на каждом «сбойном» специалисте. Расчет произведен на временном горизонте полного образовательно-адаптационного цикла (16-17 лет) и включает накопленные потери на этапах школы, обучения и первых лет работы. Эта сумма складывается из транзакционных разрывов:

- Государство теряет $\approx 48\ 000$ рублей: прямые субсидии на обучение «мимо рынка», социальные трансферы и недополученные налоги из-за простоя.
- Семья/студент теряет $\approx 47\ 000$ рублей: альтернативная стоимость времени (упущенная выгода) и инфляция диплома.
- Предприятие платит $\approx 20\ 000$ рублей: «налог на адаптацию» (доучивание) и потери от текучести кадров.

КПД фрагментированной образовательной системы математически не превышает 10-12%. В то же время непрерывная модель (где обучение интегрировано в единый бизнес-процесс продолжительностью 16-17 лет) показывает расчетную эффективность $\sim 77\%$. Разрыв в ценности одного выпускника составляет 7-8 раз. Создание Центра лишь ускоряет движение по этому убыточному маршруту, масштабируя потери, а не прибыль.

Онтологический барьер

Нельзя решить проблему на том же уровне мышления, который привёл к её возникновению.

Альберт Эйнштейн

Эта максима идеально описывает тупик, в котором оказалась идея Центра. Предлагаемый проект – это попытка починить сломанный двигатель, покрасив его в яркий цвет и нажав на газ («4 года за 2»). Кризис образовательной системы (разорванная цепочка, имитация компетенций, отток умов) возник именно на уровне *административно-бюрократического мышления*. И попытка решить его инструментами той же бюрократии (создать новую структуру, назначить начальника, выделить здание) обречена на рекурсию ошибки.

Проблема предлагаемого Центра лежит в её «ДНК». Инициаторы проекта мыслят категориями индустриальной эпохи, которые и привели к кризису. Однако главный порок образовательной системы – это даже не бюрократия, а ложная экономическая онтология участников процесса.

Постсоветская трансформация превратила ВУЗ из «кузницы кадров» в «продавца услуг», исказив саму суть отношений.

ВУЗ: продавец «образовательных услуг» – самая разрушительная мутация системы

Переход к парадигме «услуги» убил ответственность за результат.

- 1) ВУЗ больше не отвечает за то, станет ли выпускник профессионалом. ВУЗ отвечает только за то, чтобы «услуга была оказана» (лекции вычитаны, ведомости закрыты).
- 2) ВУЗ стал «вещью в себе». Он сам придумывает стандарты, сам учит по ним и сам же выдает диплом, подтверждающий качество. Это замкнутый цикл производства формальных артефактов (дипломов), оторванный от реальности. Рынок не участвует в валидации продукта, он получает то, что «выплюнула» система.

3) ВУЗ превратился в бюрократического брокера, который монетизирует время студентов и бюджет государства, продавая взамен социальные сигналы (корочки), а не компетенции.

Преподаватель: институциональная невозможность наставничества

В текущей модели статус преподавателя низведен до «когнитивного пролетария». Проблема не только в низкой ставке оплаты труда, а в экономике безответственности. Контракт преподавателя оплачивает процесс (вычитку часов), но никак не связан с капитализацией студента. В такой системе координат наставничество экономически невозможно. Ожидать от бюджетника-почасовика, работающего по инструкции, что он воспитает технологического предпринимателя или визионера – это управленческая наивность. Система требует от преподавателя быть «инвестором души», но платит ему как уборщице – за часы присутствия.

Студент: анатомия отчуждения

Образовательная система рассматривает студента как «контингент» – статистическую единицу, подлежащую нормативной обработке. В этой логике человек – это сырье, которое нужно прогнать через мясорубку учебного плана. За время обучения студент осваивает программу из 60-70 разрозненных дисциплин. В реальности это не формирование профессионала, а тест на выносливость и конформизм. Сдача сессии становится «ритуалом лояльности»: студент доказывает системе, что он способен запомнить, повторить и забыть гигабайты информационной руды. Успешное освоение программы свидетельствует лишь о послушании и адаптивности к административным процедурам, но ничего не говорит о способности создавать новое знание или добавленную стоимость.

Учебный процесс герметичен. Студент пишет курсовые и дипломы, которые не капитализируются. Знания, полученные на 1-м курсе, обнуляются к 4-му. Логическим завершением процесса является получение диплома, а не интеграция в индустрию. Система говорит: «Ты сдал всё, ты свободен». Это логика избавления от отработанного ресурса, а не логика запуска актива в работу.

В текущей модели студент – это статья расходов (для госбюджета или семьи), а не объект инвестиций. Студент инвестирует 4 года жизни (свой главный капитал), но не получает прав собственности на результат. Он не становится соавтором технологий или бизнес-решений. Он выходит на рынок «голым», с бумажным сертификатом, который работодатель (завод) тут же девальвирует фразой: «Забудьте всё, чему вас учили». Пока студент остается «ресурсом для выполнения учебного плана», а не «активом с растущей капитализацией», создание любых Центров бессмысленно.

Эйнштейн был прав: чтобы выйти из тупика, нужно перестать биться головой в стену и начать искать дверь на этаж выше.

Административный элитизм: ошибка искусственной селекции

Идея создания «резервации для талантов» базируется на примитивном понимании статистики. Авторы проекта полагают, что если физически отделить «лучших» от «массы», то эффективность первых вырастет, а вторые не пострадают. Это фундаментальная ошибка. С точки зрения теории систем и математической статистики, такая сегрегация запускает процесс возрастания энтропии (хаоса) во всей остальной системе.

В любой большой выборке (студенты страны) когнитивные способности распределены по закону Гаусса $N(\mu, \sigma)$, где

μ (среднее): основная масса студентов,

3σ («правый» хвост) – те самые 1-5% одаренных победителей олимпиад, инноваторы).

Минобразования пытается провести операцию «хирургического отсечения» «правого» хвоста ($X > 3\sigma$) ряда распределения и поместить его в стерильную банку (Центр). Но математически «хвост» не существует в вакууме. Он является продуктом всей выборки: таланты часто рождаются в провинции, в обычных школах (в зоне μ , и вызревают благодаря конкуренции и контрасту. Изолируя 3σ , мы разрушаем экосистему, которая их породила. Следующее поколение талантов просто не появится, так как питательная среда (региональные школы и ВУЗы) будет «обескровлена».

В экономике образования существует понятие «эффект сообучения». Доказано, что наличие в группе сильного студента («локомотива») повышает успеваемость всей группы. Он задает планку, мотивирует преподавателя, создает конкуренцию. Создание элитного Центра в Минске превращает региональные ВУЗы в «академические гетто». Мы получаем 300 «сверхлюдей» и массу демотивированных студентов. Центр создает не рыночную конкуренцию, а административную монополию на ресурсы. Система начинает работать на самовоспроизводство «касты избранных», игнорируя «скрытые таланты», которые раскрываются позже или в других условиях.

«Лучшие», «средние», «худшие» – это единый организм. Любая устойчивая социальная система – это триада:

- 1) Авангард (элита) генерирует смыслы.
- 2) Ядро (норма) – реализует эти смыслы.
- 3) Арьергард (отстающие) – создает давление снизу.

Проект Центра изымает Авангард. Авангард, замкнутый сам на себя в «башне из слоновой кости», теряет связь с реальностью (синдром оторванной элиты). Ядро, лишённое Авангарда, деградирует до Арьергарда.

Стратификация, предлагаемая Минобразования, – это социальная инженерия, противоречащая законам статистики. Вместо того, чтобы поднимать уровень всей нормали (μ), сдвигая график вправо (повышая качество массового образования), государство пытается отрезать правый край графика и объявить его «новой реальностью».

Национальный интеллект – это интеграл (площадь под кривой), а не высота одного пика. Сужая базу ради пика, мы уменьшаем общий интеллектуальный капитал страны.

Миф о «талантливой» молодёжи

В презентации идеи «Интеллектуального спецназа» Минобразования использует термин «талантливая молодежь» как универсальный маркер. Однако при детальном анализе критериев отбора (олимпиадники, отличники, стартаперы) становится очевидно: речь идет не о поддержке талантов, а об искусственной номенклатурной селекции. Проект Центра – это не храм искусств и наук, а прокрустово ложе, отсекающее любые формы одаренности, которые не помещаются в офисный формат и бюрократическую отчетность.

Концепция Центра базируется на *инструментальной редукции*. Талантом признается только то, что может функционировать в рамках стандартной аудитории: «парта-стул-компьютер». Истинный талант всегда привязан к специфической среде («экосистеме обитания»), которую невозможно централизовать в одном здании на проспекте Победителей (талантливый музыкант требует акустических залов, оркестровой ямы и индивидуальных репетиториев – в офисе он деградирует; талантливый спортсмен требует бассейна, льда, трека и спортивной медицины – в лекционном зале он теряет форму; талантливый художник/скульптор требует мастерских, света, грязи и материалов – в «чистом» коворкинге он не может работать).

Центр создается не для «талантов вообще», а для «удобных талантов» – тех, чье рабочее место ограничивается ноутбуком и интернетом. Это не национальная элита, это каста клерков и кодеров. Все остальные виды одаренности (культурная, спортивная, художественная) де-факто объявляются «вторым сортом», не достойным включения в «спецназ».

Ставка на победителей предметных олимпиад как на основу «золотого фонда» выдает истинную цель проекта – воспроизводство бюрократической логики. Что такое олимпиада? Это спорт высоких достижений по решению типовых задач в стрессовых условиях. Победитель олимпиады демонстрирует не инновационное мышление, а высокую адаптивность к правилам. Мы отбираем идеальных исполнителей – конформных, стрессоустойчивых, умеющих играть по чужим правилам, но инновационная экономика требует другого психотипа: бунтарей, способных нарушать правила, задавать неудобные вопросы и действовать вне шаблонов. Такие люди в олимпиадной системе часто отсеиваются как «неформат». Центр превращается в инкубатор для технической obsługi госаппарата, а не в колыбель прорыва.

Идея собрать «всех лучших» в одном месте – это административная утопия, игнорирующая природу развития. Собрать в одной комнате пловца (которому нужно спать после тренировки), скрипача (которому нужно играть гаммы 6 часов) и математика (которому нужна тишина) – значит уничтожить их всех. Развитие таланта требует специализации, а Центр предлагает унификацию. Вырывая талантливого подростка из его естественной среды (музыкальной школы,

спортивной команды, кружка робототехники) и помещая в «общий котел», мы разрушаем его социальные связи.

Проект закрепляет опасный социальный стереотип: «Элита – это те, кто знает математику, язык программирования и английский. Остальные – сфера обслуживания». Это демотивирует тысячи талантливых ребят, чьи способности лежат в сфере эмоционального интеллекта, искусства или ремесла.

Проект Центра подменяет понятие «талант» (искры Божьей) понятием «Функция» (способности быстро усваивать информацию). Это не образовательный, а номенклатурный проект. Его цель – создать контролируемую «грядку», где выращиваются предсказуемые, лояльные и технически грамотные специалисты для нужд текущей системы управления. Настоящая работа с талантами требует прямо противоположного подхода: не концентрации в одном здании, а сетевой децентрализации. Нужно финансировать не стены на проспекте Победителей, а доступ скрипача к лучшей скрипке, пловца – к лучшей воде, а инженера – к лучшему станку, где бы они ни находились.

Почему специализация Центра – это имитация будущего

Заявленный перечень направлений («ИИ», «Биотех», «Робототехника») представляет собой классический *Карго-культ*: попытку воспроизвести внешние атрибуты передовых отраслей без понимания их внутренней механики. В формате обособленного образовательного Центра, оторванного от индустриальных гигантов, эти дисциплины превращаются в фикцию.

Тезис 1. «Мы подготовим внедренцев ИИ для всей экономики».

Технологическая реальность. В современном мире ценность представляет не сам алгоритм (код трансформера можно скачать на GitHub бесплатно), а связка «вычислительные мощности + уникальные промышленные данные». У Центра нет ни того, ни другого:

- Современный ИИ – это не софт, а «железо». Обучение серьезных моделей требует GPU-кластеров уровня NVIDIA H100, стоимость которых исчисляется десятками миллионов долларов. Без собственного Дата-Центра студенты будут учиться на «игрушечных» моделях 5-летней давности. Это подготовка историков ИИ, а не инженеров.
- ИИ для промышленности бесполезен без телеметрии станков, геологических карт или медицинских дата-сетов. У Центра нет доступа к проприетарным данным БелАЗа, Гродноазота или РНПЦ здравоохранения.

Студенты будут тренировать нейросети на открытых данных из интернета, что имеет нулевую ценность для реального сектора Беларуси. БГУИР уже обладает методологической базой по архитектуре нейросетей. Создавать параллельную кафедру в новом здании – значит размазывать тонкий слой экспертов, ослабляя профильный ВУЗ.

Тезис 2. «Перенесем биологические специальности в Центр и ускорим обучение».

Технологическая реальность. Биотех – это отрасль с самыми длинными циклами НИОКР и жестким регулированием. Биотехнолог – это не тот, кто смотрит в микроскоп, а тот, кто умеет работать в условиях стерильного производства. Обучение этому требует «чистых комнат», каскадов давления, спецвентиляции и утилизации биоотходов. Разместить это в офисном здании на пр. Победителей физически невозможно и запрещено СанПиН. Это будет имитация лаборатории, не имеющая ничего общего с заводом БНБК или Белмедпрепаратами.

Государство уже инвестирует в строительство Центра биологии БГУ. Попытка создать дублера – это распыление бюджета. Оборудование (секвенаторы, биореакторы) должно работать 24/7 в одном месте, а не простаивать в двух.

В биотехе цикл эксперимента диктует природа. Клетку нельзя заставить делиться быстрее приказом Минобразования. Идея «ускоренного обучения» (4 года за 2) в биотехе абсурдна – студент просто не успеет провести ни одного полноценного цикла исследований.

Тезис 3: «Студенты создадут готовый товар-аналог мирового уровня».

Технологическая реальность. Это фундаментальная ошибка понимания уровней готовности технологий (TRL). В учебной аудитории можно дойти максимум до уровня TRL 3 (макет/прототип). Индустрии нужен уровень TRL 7-9 (серийный образец, прошедший испытания). Между этими уровнями лежит «долина смерти»: испытания на вибростендах, климатические камеры, сертификация, технологичность сборки. Без доступа к заводскому полигону студент создает «бумажный проект», который невозможно произвести серийно.

Современное производство – это не только САД-моделирование, это литография, прецизионная механика, материаловедение. Центр физически не вместит линии «Пеленга» или «Интеграла». Мы получим конструкторов, которые рисуют красивые 3D-модели, не понимая, как их выточить в металле.

Заявленная специализация Центра страдает от системной таксономической ошибки – авторы путают инструмент с профессией:

- 1) ИИ – это не профессия, а инструмент врача, агронома или логиста.
- 2) Биотех – это не теория, а производственный процесс.
- 3) Инновация – это не идея, а внедренный продукт.

Создание Центра с неизбежным отрывом от производственных площадок породит касту «Абстрактных специалистов». Они будут владеть терминологией будущего, но профессионально непригодны для работы в настоящем.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Идея Центра, как она сформулирована сегодня, принимает за данность самую разрушительную иллюзию современного образования: обучение можно завершить, диплом можно выдать, а студента «выпустить» в мир, как готовый товар с этикеткой. В эпоху ИИ, когда любой учебный артефакт может быть сгенерирован за часы, эта ложь становится публичным поражением.

Дискретная постсоветская модель структурно враждебна инновациям, потому что демотивирует всех участников, превращая их в временщиков. Здесь особенно показательна судьба преподавателя. В дискретной системе он не наставник, не исследователь, не соавтор будущего – он почасовик, как правило, дешёвый исполнитель, чья задача – отработать нагрузку, выставить оценки и не нарушить регламент. Его компетенции, опыт, связи с реальной экономикой – всё это остаётся за бортом, потому что система платит ему не за результат, а за присутствие. Он не может воспитать элиту, потому что сам лишён статуса субъекта – он функция. А когда преподаватель – функция, студент становится объектом, а знание – процедурой.

Если мы действительно хотим подготовить людей, способных создавать конкурентный «белорусский продукт» в рыночной среде, где технологии меняются быстрее, чем заканчивается семестр, – тогда важно отказаться от самого понятия «окончания обучения»:

- 1) Образование не может иметь «финиша».
- 2) Проект не может «сдаваться».
- 3) Студент не может быть «выпущен».
- 4) Преподаватель не может быть «наёмником».

Единственный жизнеспособный путь – переход к непрерывной, интегрированной в ткань общества, игры в длинную, где:

- 1) Студент – соинвестор и владелец своего актива.
- 2) Преподаватель – наставник, партнёр и соавтор.
- 3) ВУЗ – платформа совместного производства.
- 4) Предприятие – поставщик компетенций, а не заказчик.
- 5) Государство – фактор и модератор бизнес-процесса продолжительностью 16-17 лет.

Третьего не дано.

Владимир Лемех, Минск

<https://antieconomy.com>

+375 29 678 42 52

30/01/2026